

На правах рукописи

ГАШКОВА Виктория Александровна

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ
С. РУШДИ «ДЖОЗЕФ АНТОН», Р. БАРТА «РОЛАН БАРТ О РОЛАНЕ БАРТЕ»,
Г. АДАМСА» «ВОСПИТАНИЕ ГЕНРИ АДАМСА»)**

10.01.03 — литература народов стран зарубежья
(западноевропейская и американская)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Калининград

2020

Работа выполнена в федеральном государственном автономном
образовательном учреждении высшего образования
«Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Владимирова Наталия Георгиевна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, доцент
Новикова Вера Григорьевна
(ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского», профессор
кафедры зарубежной литературы)
- доктор филологических наук, профессор
Толкачев Сергей Петрович
(ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет», профессор
кафедры отечественной и зарубежной литературы)
- Ведущая организация:** ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»

Защита состоится 18 декабря 2020 г. в 16.00 на заседании диссертационного совета
Д 212.084.06 при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу:
236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56-а, ауд. 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Балтийско-
го федерального университета им. И. Канта <https://www.kantiana.ru/postgraduate/dislist/gashkova>

Автореферат разослан _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Н. Черняков

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертационная работа посвящена изучению глубинных причин деривации нарративной структуры автобиографических романов Салмана Рушди «Джозеф Антон», Генри Адамса «Воспитание Генри Адамса» и Р. Барта «Ролан Барт о Ролане Барте». Романы рассматриваемого типа интересны, прежде всего, спецификой отражённой в них экзистенциальной коллизии, находящей выражение в изменении привычной для автобиографического повествования коммуникативной стратегии. Вопрос о принципах исследования процессов развития индивидуально-авторской картины мира на структурном уровне автобиографического романа заслуживают специального внимания, поскольку автобиографическая проза состоит в причинно-следственном отношении с особенностями процессов формирования авторского дискурса и механизмами рефлексии над апостериорным опытом и его становлением [Misch, 1982: 76-78]. Эти процессы осложняются тем, что романная форма сама по себе предполагает существование некоторого фикционального пространства в рамках художественного произведения [Шмид, 2008]. Соседство фикционального, автобиографически достоверного и психологического создает условия для рассмотрения автобиографического романа как синтетического жанрового образования, совмещающего вымысел и документальную основу. Определяя автобиографическое романное повествование как метод самопознания личности, стремящейся к диалогу с предполагаемым реципиентом, то есть мыслимым читателем, мы обнаруживаем подсознательное стремление автора найти точки соприкосновения собственного герменевтического круга с герменевтическим кругом адресата [Dilthey, 1979: 199]. В контексте сказанного остро встаёт вопрос о влиянии феномена конкретного автора и имманентных процессов его личности на структуру художественного произведения и его нарративную специфику.

Научное рассмотрение феномена влияния интенций [Шмид, 2008] конкретного автора на поэтику романа автобиографического жанра вводит нас в область коммуникативных уровней текста, особенностей его нарративной структуры, соотносящихся в произведении точек зрения. Важны в этой связи размышления М.М. Бахтина и Л.Я. Гинзбург [Бахтин, 1986; Гинзбург, 2000]. В рамках нарратологического исследования безусловной стала также необходимость обратиться к ведущим разработкам в области нарратологии, среди которых – работы Нормана Фридмана [Friedman, 1955], Перси Лаббока [Lubbock, 2016], Эрвина Лайбфрида [Leibfried, 1970], Вильгельма Фюгера [Füger, 1972], Вольфа Шмида [Шмид, 2008], Филиппа Лежёна [Lejeune, 1997; 2010] и др. Анализируя различия между типами кризиса идентичности личности конкретного автора, мы обращаемся в качестве магистрального метода нашего исследования к психоаналитической герменевтике, проводящей параллели между авторским переос-

мыслением собственной истории и фикциональным пространством художественного текста. Данный выбор обусловил особую значимость научных трудов Эрика Хомбургера Эриксона [Эриксон, 2006], Зигмунда Фрейда [Фрейд, 2014], Анны Фрейд [Фрейд, 1993], энциклопедического труда Грейс Крайг «Психология развития» [Крайг, 2005]. Осознавая связь науки в целом, и особенно филологии с философией в её гносеологической функции, с выработанными теорией литературы и эстетикой принципами анализа автобиографического художественного текста мы также опираемся на идеи Г.В.Ф. Гегеля [Гегель, 1974], Эдмунда Гуссерля [Гуссерль, 1999], Мартина Хайдеггера [Хайдеггер, 2003], Х.-Георга Гадамера [Гадамер, 1988] и др. В рамках анализа некоторых документальных исторических фактов, излагаемых повествователем в романах автобиографического характера, мы склонны поддерживать мнение Жака Деррида относительно того, что всё представляет собой текст, а история, как текст, пересказываемый субъективным сознанием, представляет собой своего рода фиктивное прошлое, имеющее мало общего с так называемой реальностью [Деррида, 2000]. При этом инициированная данным положением идея о преобладании в автобиографическом романе вымысла над реальностью требует ответа на вопрос: «Что есть реальность?», и если реальность – это текст, то «Какова природа этого текста?». Опираясь в своём исследовании на «автобиографичность», а если точнее – «автофикциональность» изучаемых текстов, мы основываемся на том, что «автобиография» подразумевает **биографию сознания**, а не фактическую историю жизни исторической личности, совершавшей те или иные действия. Перед читателем предстает действительность, пропущенная сквозь призму индивидуально-авторского сознания, опосредованная сознанием и подсознанием и протекающими в них процессами, принимающими непосредственное участие в создании художественного образа действительности. В этой связи обращение к психологической герменевтике представляется мотивированным самой спецификой анализируемых текстов. Перед читателем оказывается своего рода интимный дневник **сознания** конкретного автора, т.е. то пространство, где, по мнению Барта, автор по-прежнему жив. Это является новой чертой автобиографического произведения XX столетия, маркированной номинацией небиографизм.

Таким образом, исследовательский вектор данной диссертации имеет двуединую направленность: во-первых, диахронное и синхронное рассмотрение процесса формирования и развития герменевтики как науки о понимании текста от концепций Шлейермахера до психологической герменевтики А. Лоренцера, осмысление складывавшейся типологии этого метода, принципов анализа художественного произведения с целью определения тех ценностных подходов, которые сохранили актуальность в наши дни и могут быть востребованными при рассмотрении небиографических тек-

стов. Во-вторых, анализ нарратологической организации небиографических текстов, представленных одним из последних и малоизученных романов С. Рушди «Джозеф Антон» (опубликован в 2012 году). Произведения Генри Адамса «Воспитание Генри Адамса» (1907 г.), а также Ролана Барта «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975 г.), привлекаются для сравнительного анализа, подтверждающего своеобразие изменившейся по сравнению с классической моделью нарратологической парадигмы. В совокупности эти произведения и определили материал данного диссертационного исследования. Их объединяет не только общая деривация нарративной структуры, но и нарушение литературного «пакта», на котором настаивает Филипп Лежён [Lejeune, 1971; Lejeune, 1975], – во всех случаях авторы произведений стремятся установить максимальную дистанцию между «Я» - настоящего и «Я» - прошлого. Схожими являются, на наш взгляд, и предпосылки такого дистанцирования.

Важным представляется и вопрос о «жизни» автора в романе теоретика-исследователя, постулировавшего «смерть автора». Темпоральная удалённость выбранных в качестве материала исследования текстов, наряду с тем, что их авторы относятся к различным культурным и национальным традициям, позволяет охарактеризовать выявленные в них схожие явления небиографической прозы, не сужая область исследования до мультикультурной прозы последнего десятилетия. Выбранные произведения не только представляют жанр неавтобиографического романа, но и повествуют о жизни писателей, явившихся также прославленными специалистами в области литературной критики. Если «Джозеф Антон» сообщает нам о личности, запертой в темницу социальной изоляции, потому что общество плохо воспринимает любой его образ, то «Ролан Барт о Ролане Барте» показывает нам человека, который «плохо переносит любой свой образ», вплоть до того, что «ему неприятно, когда его называют по имени» [Барт, 2012: 49]. В результате оба героя вынуждены «в страхе перед «образом», в борьбе с ним идти на крайние жертвы, включая жертву собственного телесного и текстуального «я» [Барт, 2012: 223]. Оба романа охватывают период жизни героев около 50 лет. Они отличаются нелинейной фабулой, сложным по своей структуре сюжетом.

Объектом нашего исследования является нарративная структура ранее обозначенных романов, представленных в них коммуникативных уровней и их соотношений.

В качестве **предмета** данного исследования выступают историческая поэтика герменевтического метода, алгоритм герменевтической интерпретации текста небиографического романа [на примере романа «Джозеф Антон» С. Рушди, в сравнении с романами Генри Адамса «Воспитание Генри Адамса» (1907 г.) и Ролана Барта «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975)].

Целью диссертации является изучение нарративной организации указанных текстов, которая достигается в ходе решения следующих конкретных задач:

1. Проследить динамику историко-теоретического развития герменевтики и связанной с ней методологии «прочтения» и анализа художественных текстов.

2. Обосновать своеобразие неоавтобиографических романов С. Рушди «Джозеф Антон», Г. Адамса «Воспитание Генри Адамса» и Р. Барта «Ролан Барт о Ролане Барте» (автобиография сознания) в рамках поэтики художественной модальности.

3. Конкретизировать концепцию действительности в исследуемых художественных текстах и констатировать своеобразие феномена фикционального мира художественного произведения, включающего элементы документальности и достоверности изображаемого.

4. Проанализировать существующие нарратологические подходы на предмет их адекватности проблематике указанных романов.

5. Описать имеющиеся в текстах компоненты нарративной организации, определить на основе полученных данных модель коммуникативных уровней романов, сравнив анализируемые романы, сделать выводы относительно схожих и различных элементов их поэтики.

6. Описать нарратологическую специфику выявленных элементов с позиций концепции «смерти автора».

7. Выявить своеобразие нарративной специфики автобиографической прозы с учетом влияния интенций конкретного автора на структуру романов (на примере произведений С. Рушди «Джозеф Антон» и Р. Барта «Ролан Барт о Ролане Барте»).

8. Проанализировать исследуемые романы с методологических позиций психоаналитической герменевтики, выявив общую нарративно- и дискурсивно-психологическую проблематику текстов.

9. Определить выявленные расхождения в нарративной специфике текстов с точки зрения психоаналитической герменевтики, обозначить систему причинно-следственных связей имманентных процессов личностей, обусловивших данные расхождения.

Актуальность исследования определяется тем, что современная литература демонстрирует расширение романного дискурса, вбирающего в себя разнообразие жанровых форм. Автофикциональный дискурс приобретает в этом плане всё большее значение. Несмотря на то, что автобиография как отдельный жанр изучена достаточно полно, неоавтобиографический роман как качественно новое явление современной литературной действительности представляет большой научный интерес. Изучение рефлексивной модели такого романа открывает широкую перспективу для мультидисциплинарного подхода и исторически сложившегося взаимодействия литерату-

роведения со смежными с филологией дисциплинами, начиная от философии и включая психоанализ. Нарративная структура текста всегда тесно связана не только с авторским замыслом, но и с индивидуальной психологией, чему во времена господствующего структурализма уделялось недостаточно внимания, особенно в контексте теорий сторонников Барта и его концепции «смерти автора». Современные исследователи всё больше возвращаются к принципам и подходам психоаналитической герменевтики при рассмотрении магистральных тенденций развития современной литературы [Trombold, 1999; Barlow, 2016; Cyrus, 2014; Hinz, 1996; Laukhuff, 1990; Triandafyllidou, 2017; Rieker, 2012; Hindriks, 2014; Dovidio, 2010; Howarth, 2016; Hahn, 2010].

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринят анализ нарратологической структуры неоавтобиографических романов, нарушающих классические каноны автобиографического жанра. Впервые исследованы с точки зрения когнитивно-дискурсивного, герменевтического и психоаналитического метода художественные автобиографические тексты одного из последних романов С. Рушди в сопоставлении с произведениями Г. Адамса и Р. Барта с характерными для них особенностями деривации классической нарративной структуры.

Цель и задачи диссертации определили выбор герменевтики как ведущего метода исследования наряду с культурно-историческим и сравнительным методами, использованием приемов системно-структурного, структурно-семантического, контекстуального анализа.

Теоретическая значимость работы состоит в комплексном анализе наиболее значимых, исторически сложившихся и современных герменевтических подходов к пониманию поэтики неоавтобиографических литературных произведений с последующими конструктивными выводами и попыткой использования нарратологического анализа текста в качестве инструментария психоаналитического герменевтического подхода к рассмотрению архитектурной целостности произведения, к поиску причинно-следственных связей между психологией сознания автора и спецификой нарративной организации текста.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования разработанной методологии исследования автобиографических текстов, имеющих определённые отклонения в нарративной организации от устоявшихся жанровых норм, а также перспективой использования материалов исследования при разработке вузовских курсов по теории литературы, современной зарубежной литературы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Индивидуально-психологические особенности конкретного автора следует рассматривать как один из факторов формирования нарративной структуры автобиографического художественного произведения, нарушающего сложившийся жанровый канон.

2. Понимание имманентных процессов формирования фигуры конкретного автора как элемента художественной действительности должно происходить в рамках диалектики герменевтического круга, то есть рассматриваться как отдельный элемент в системе художественной целостности изучаемого текста.

3. Одной из функций автобиографических романов от третьего лица является поиск собственной идентичности, так как усложненная нарративная структура произведения, максимально отстраняющая различные образы Я друг от друга, маркирует утрату идентичности и необходимость ее поиска.

4. Роман Салмана Рушди «Джозеф Антон» имеет сложную палимпсестную структуру, обнаруживает признаки интертекстуальности, интердискурсивности.

5. Усложнение нарративной структуры автобиографического романа Салмана Рушди «Джозеф Антон» связано с активным диалогическим взаимодействием большого количества психологических, эмоционально-биографических и социокультурных элементов в его структуре.

6. Современная мультикультурная автобиографическая проза представляет собой биографию сознания, а не фактическую историю жизни исторической личности, совершавшей те или иные действия. Автобиографический роман от третьего лица можно назвать автобиографией бессознательного конкретного автора, что не освобождает исследователя от необходимости учитывать авторские интенции.

7. Автобиографический роман от третьего лица в контексте теории А. Лоренцера можно рассматривать как имитацию герменевтического диалога, требующего интерпретации, а значит, роман такого свойства является попыткой осознать внутриличностные конфликты автора, т.е. вывести их сначала в сферу сознательного, а затем имитировать их выход за пределы рефлексивной личности.

8. На лексическом уровне романа Салмана Рушди «Джозеф Антон» находится уникальная индивидуально-авторская языковая реальность, требующая психологической интерпретации, поскольку её образность не соотносится с общепринятыми канонами постколониального дискурса.

Апробация результатов работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального университета им. И. Канта, были изложены в виде докладов в Калининградской областной научной библиотеке, на ежегодных научных конференциях студентов и аспирантов БФУ им. И. Канта (Калининград, 2016 – 2019), на международных научно-практических конференциях: XXVII Пуришевские чтения «Зарубежная литература XXI: проблемы и тенденции» (Москва, 2015), XXVIII Пуришевские чтения «Русская революция 1917 года в литературном сознании Запада» (Москва, 2016), международном научном симпозиуме «Наука, общество, прогресс» (Москва, 2016), 9-ой всероссийской научно-методической конференции «Англистика XXI века» (Санкт-Петербург, 2018). Содержание диссертации также нашло отражение в 8 публикациях, 3 из которых входят в список ведущих научных изданий, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии (194 наименования), включающей список научной литературы, словарей и энциклопедических изданий, а также список литературных источников.

Содержание работы

Во **введении** представлен обзор литературы по проблеме герменевтического метода и особенностей поэтики и нарратологической организации неоавтобиографической прозы, а также научно-исследовательских и литературно-критических работ, посвященных этой проблематике; определяются актуальность исследования, его объект, предмет, научная новизна, цели, задачи и методы, обосновывается теоретическая и практическая значимость; приводятся сведения об апробации результатов исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «**Герменевтический метод в историко-теоретическом аспекте**», состоящая из пяти параграфов, **посвящена** теоретическим аспектам герменевтического метода, его формированию и развитию в историко-теоретическом дискурсе.

В первом параграфе «Формирование принципов герменевтического метода» обобщаются толкования целей и задач герменевтики представителями разных научных отраслей, делается объединяющий разные толкования герменевтики вывод о том, что она представляет собой теорию понимания в целом или метод постижения смысла. Показано, каким образом сформировалось особое направление, посвященное изучению, познанию и пониманию автора – психологическая герменевтика. Делается ак-

цент на том, что, по словам Фридриха Шлейермахера, литературная герменевтика представляет собой искусство толкования разнообразных художественных письменных памятников, и это искусство интенционально: оно направлено на обретение универсальных принципов интерпретации текста через анализ, деконструкцию и реконструкцию его понимания. Объясняется, как герменевтика, формируясь в качестве науки, ищет возможность привести анализ внутреннего индивидуального опыта и анализ понимания к общему знаменателю. Упоминается, что история герменевтики как науки гуманитарного цикла в его нынешнем понимании начинается с работ Августина Блаженного в IV столетии. Подчёркивается, что за достаточно продолжительный период развития она нашла своё отражение практически во всех направлениях гуманитаристики, образовавшихся позже. Таким образом, герменевтические принципы можно назвать общегуманитарными. Сталкиваясь с областью когнитивных наук, классическая герменевтика образует когнитивную герменевтику [Шульга, 2002], а, входя в феноменологический дискурс [Гуссерль, 1999], она формирует феноменологическую герменевтику. Подобным же образом герменевтика, правда, уже в шлейермахеровском переосмыслении, при столкновении с психоаналитическим дискурсом образует психоаналитическую герменевтику [Лоренцер, 2013]. Говоря об истории герменевтики, следует отметить, что это довольно консервативная наука со свойственной ей мультидисциплинарной направленностью. Несмотря на меняющиеся от эпохи к эпохе способы понимания, конструктивные принципы анализа его результатов при их изменчивости сохраняют константный характер.

Во втором параграфе «Герменевтика Фридриха Шлейермахера и стадийность анализа автобиографического романа» делается акцент на тех герменевтических идеях Шлейермахера, которые представляются важными в рамках изучения текстов автобиографического характера, понимания их специфики и природы. Первая идея объясняет художественное единство автобиографического романа британского писателя Салмана Рушди «Джозеф Антон», строящееся на контрасте идеального и реального представления автора о собственном прошлом. Приведены итоги сводного анализа концепции переживания, выраженной лексемами *real* (реальный) – *imaginary* (воображаемый), представляющими одну из основных дихотомий романа Салмана Рушди «Джозеф Антон». Раскрывается важность концепций активного и пассивного понимания, предложенных Шлейермахером для исследования современной неавтобиографической прозы. В параграфе обобщаются сформулированные Шлейермахером семь правил истолкования, часть из которых принимается в данной работе в качестве метода литературоведческого анализа. Правило, ориентирующее на необходимость осознания общего смысла и композиционных особенностей рассматриваемого произведения, является, по сути, одним из ключевых моментов представленного ис-

следования. Данное правило включает в себя пассивное и первое активное понимание, основанные лишь на индивидуальном опыте исследователя и неосознанного вчувствования в текст. основополагающим правилом, прописанным Шлейермахером, является движение по герменевтическому кругу, т.е. необходимость понимания смысла целого из совокупности частей и наоборот. Диалектика части и целого считается испокон веков основополагающим методом филологических наук, как литературоведческих, так и лингвистических. Кроме того, Шлейермахер предлагает учитывать стиль автора и его особенности, что необходимо для создания полноценной, целостной теории, претендующей на универсальность выводов. Авторский стиль - понятие исключительно индивидуальное, следовательно, его проявления следует строго дифференцировать в ряду понимаемых элементов. При этом немецкий теоретик призвал заранее признавать фальсифицируемость получаемого понимания, знания, что позволяет не строить безоговорочных и ультимативных формулировок.

Наиболее ценным в рамках исследования именно автобиографической литературы, нам представляется правило, требующее приближения, вживания в индивидуальный мир конкретного автора, т.е. прежде всего понимания его жизни, его личности и её психологических особенностей. Последующее правило призвано уберечь герменевтику от злоупотребления интуитивным методом понимания, что таит опасность сделать герменевтическое знание псевдонаучным. В этом правиле Шлейермахер призывает использовать аналитический подход наравне с интуитивным. [Schleiermacher, 1838]

Таким образом, пытаясь понять роман Салмана Рушди «Джозеф Антон», необходимо учитывать специфику взаимоотношений иммигрантов с британским обществом, поскольку Рушди – писатель-иммигрант индийского происхождения. Также следует принять во внимание особенности кризиса идентичности личности, развивающегося на фоне ощущения собственной социокультурной чуждости: Салман Рушди иммигрировал в Британию во время пубертатного периода, когда в сознании подростка происходит формирование новых ценностных ориентиров. Важны также история и характер взаимодействия мусульманского мира и нерелигиозной или инорелигиозной общественной среды, где можно найти предпосылки для событий, развернувшихся вокруг писателя после публикации «Сатанинских стихов», связанных с вынесением Аятоллой Хомейни смертного приговора Салману Рушди, назначением награды за его голову и вызванных этим последствий. Салман Рушди в течение нескольких лет был вынужден жить двойной жизнью, скрываясь от общественности в охраняемых спецслужбами Великобритании конспиративных квартирах, под вымышленными именами, одно из которых впоследствии стало в его автобиографическом романе номинацией отдельного персонажа. В его имени Джозеф Антон соединились имена

двух любимых Рушди писателей: Джозеф Конрад и Антон Чехов. Гонениям и угрозе жизни в этот период подвергался не только сам Рушди, но и его семья, и все те, кто открыто ему симпатизировал. Необходимо также учитывать при понимании романа формат взаимоотношений между Великобританией и Индией, где Индия всё ещё испытывает ментальную зависимость от Британии. Важны здесь также и филологическое образование автора, имеющего возможность с профессиональной точки зрения критически оценивать свой труд, и его литературные пристрастия, а также их роль в формировании мировоззрения и жизненной мотивации Рушди.

С другой стороны, чтобы понять, к примеру, роман Ролана Барта «Ролан Барт о Ролане Барте», необходимо постичь его авторский замысел посредством дивинации. Это значит, что исследователю нужно прочувствовать Ролана Барта как самого себя, чтобы понять его индивидуально-психологические потребности. Для начала необходимо представить Барта как некую категориальную общность – как писателя, критика, мужчину, француза в смысле отношения к определённой исторической и социокультурной традиции. На фоне этих общностей необходимо выделить индивидуальное, специфичное, формирующее авторское самосознание. Вначале того, кого хотят понять, представляют как нечто всеобщее, затем находят в нём своеобразное, корреспондирующееся со всеобщим. В процессе сравнения полученных результатов перед учёным, по Шлейермахеру, стоит задача понять Ролана Барта лучше, чем он сам понимал себя в момент творческого акта, в котором Шлейермахер усматривал определённое рефлексивное начало. Задача эта усложняется тем, что как упомянутый, так и любой другой автобиографический роман, был задуман и написан автором с целью понять себя. Таким образом получается, что относительно художественных автобиографических текстов перед исследователем, руководствующимся принципами активного понимания, стоит задача понять самосознающего автора лучше, чем тому удалось бы понять себя.

В третьем параграфе «Герменевтика Вильгельма Дильтея. «Идея философии жизни» и автобиографический романа» рассматривается психологический подход в рамках герменевтических теорий Дильтея. Отвергая научное объяснение природы, сущности тех или иных явлений опытным способом, Дильтей развивает идеи Шлейермахера о вчувствовании в познаваемый предмет, если речь идёт о посторонней личности. Познание себя самого при этом, по Дильтею, основано на пристальном самонаблюдении. Примером такого самонаблюдения можно считать романские произведения автобиографического характера: их целью является понимание, переоценка, осмысление не только и не столько отдельных фактов собственной биографии, сколько толкование собственных мотивов, реакций, раскрытие, понимание и принятие собственной специфики, а значит – стремление поставить перед самим собой бесчислен-

ное количество вопросов, непременно требующих ответов. Категорическая разница в данном случае между идеями Дильтея и Шлейермахера в том, что Дильтей отрывает понимание от языковой среды и предлагает погрузиться в понимание форм так называемого «объективного духа», причём учёный представляет троичную систему понимания такого «объективного духа». Вслед за Шлейермахером, Дильтей задаётся вопросами о бессознательном, требующем определённых особых способов познания, т.е. проникается идеей вчувствования, находящейся за пределами логических операций, не способных проникнуть в область психологической первопричины, ментальности. Такое проникновение впоследствии стало доступно психоанализу, чем герменевтика воспользовалась, дополнив свою методологическую систему. Центром этой системы становится психологическое ядро, включающее в себя все сознательные и бессознательные мотивы конкретного автора. Это ядро приводит в движение основные элементы субъективной реальности конкретного автора автобиографического романа. Наиболее значимыми оказываются историко-биографическая, эмоционально-биографическая и социокультурная основы повествования, во многом определяющие личностную идентичность конкретного автора. Выходя за пределы его субъективной реальности, данные элементы в полном объёме формируют художественную реальность автобиографического романа, обнаруживающего в своей структуре множество трансцендентных автору элементов, во многом определяющих коммуникативную структуру художественного текста.

В четвёртом параграфе «Истина и Метод» Гадамера в понимании автобиографического романа» описывается предпринятая Гадамером попытка философского мышления не в рамках герменевтики, но философской рефлексии по поводу герменевтики как объекта. Таким образом, сама идея и стремление к пониманию и верному истолкованию более не является, по Гадамеру, вопросом, решаемым исключительно посредством герменевтического анализа, акта герменевтического истолкования. Продолжая мысль Дильтея о формах объективного духа, Гадамер говорит о том, что понимание имеет отношение ко всем связям внутреннего мира человека с внешним, т.е. выходит далеко за пределы исключительно научной мысли в область философии и искусства, которые не могут быть подвергнуты научной верификации, так же, как не могут быть фальсифицированы научным образом. Так, Гадамер говорит об опыте Истины, воплощённом, овеществлённом в качестве герменевтического метода. Таким образом, герменевтика Гадамера делает спиральный виток в сторону дошлейермахеровской герменевтики, понимаемой как специфический способ философствования. Гадамер объясняет это тем, что герменевтика, по его мнению, является особой формой самосознания человека [Гадамер, 1988]. Её цель для Гадамера состоит в понимании индивидуально-психологических особенностей отдельного индивида в кон-

тексте окружающего его этнокультурного и историко-политического дискурса. Основной движущей силой в модели Гадамера становятся индивидуально-психологические особенности автора. Этнокультурная и историко-политическая основы повествования, обобщающие историко-биографические и социокультурные факторы, влияющие на формирование авторской идентичности, здесь дополняются у Гадамера концепцией образования как отражения многочленной дильтеевской парадигмы бытия. Данные элементы круга на этом этапе формируют герменевтический горизонт конкретного автора. С учётом того, что реальность текста всегда выходит за рамки авторской интенции и за счёт этого оказывается намного полнее, герменевтический круг автобиографического романа также вбирает в себя трансцендентные авторскому горизонту факторы. Таким образом, Гадамер возвращает нас к идее о необходимости учитывать все факторы, повлиявшие на развитие личности автора, что и стало ключевым элементом появления автобиографического романа. В параграфе представлен подробный анализ исследуемых романов с данной точки зрения.

В пятом параграфе «Методология Поля Рикёра» обосновывается концептуальная важность для нашего исследования идей Рикёра о языковой, текстовой структуре бессознательного. Перед герменевтом стоит задача верно соотносить скрытую, символическую семантику текста с той универсальной действительностью, с которой начинается действительность каждого отдельно взятого человека. Из этого можно сделать вывод об онтологическом характере текста, и, в меру оговоренной выше текстовой субъективности, мнение текста здесь важнее, чем задумка и мнение автора. Буквально это значит, что конкретный автобиографический автор не осознаёт всех тех имманентных процессов собственной психики, своего бессознательного, воздействия на свою сущность внешних культурных кодов, как универсальных, так и индивидуальных. Именно так происходит насыщение текста неосознанными автором смыслами. В таком случае, вспоминая работу Ролана Барта о смерти автора, можно сказать, что сознательное автора в тексте умерло и родилось бессознательное. Перед герменевтом в таком случае стоит задача раскрыть и понять наибольшее количество смыслов текста, которые были вложены в него авторским бессознательным, проявляющимся в различных элементах архитектоники художественного романного произведения. В контексте сказанного, можно утверждать, что а) автор умер в художественном произведении в эстетической функции, в котором господствует фикциональный мир; б) автор жив в автобиографическом повествовании, дневниковых записях и прочих интимизированных жанрах; в) авторское сознательное малоактивно в автобиографическом романе от третьего лица, который находится на стыке первых двух категорий, представляет собой как интимный автобиографический манускрипт, так и фикцио-

нальное художественное произведение, имея при этом функцию прямого воздействия на действительность, и формируется авторским бессознательным.

Следуя такому ходу мысли, можно назвать автобиографический роман от третьего лица автобиографией бессознательного конкретного автора, что не освобождает исследователя от необходимости учитывать авторские интенции.

Вторая глава «Психоаналитическая герменевтика как принцип анализа романа С. Рушди «Джозеф Антон», состоящая из четырёх параграфов, содержит результаты детального анализа изучаемых произведений с позиции психоаналитической герменевтики А. Лоренцера.

Первый параграф «Психоаналитическая герменевтика Альфреда Лоренцера» отражает важную для нашего исследования идею свободного диалога, где индивид волен самостоятельно выбирать форму и тему диалога, и эти форма и тема сами по себе являются первичным выражением специфики внутреннего мира говорящего. Опытный аналитик, исходя уже только из предложенных темы и формы, способен сделать основные выводы относительно специфики функционирования внутреннего мира говорящего и выдвинуть определённые предположения относительно внешних факторов, оказавших влияние на формирование личности говорящего. Такой принцип является одним из фундаментальных методологических принципов проведенного исследования.

В параграфе рассматриваются автобиографические романы с явной нарративной деривацией, выраженной на грамматическом уровне посредством изменения лица повествующей инстанции с первого на третье, что означает отстранение повествующего Я от повествуемого. Это свидетельствует в первую очередь о нарушении внутреннего тождества между настоящим нарратора и его прошлым.

Интерпретируемый в процессе диалога представляет интерпретатору в своей исповеди собственные субъективные переживания, и рассказ этот в большей степени сформирован процессами, происходящими в подсознании говорящего, нежели в идейном замысле и функциях. Так и автобиографический роман, имея чётко обозначенную функцию рефлексии и припоминания, отражает в своей структуре специфику подсознательного автора. Важно место в этой методике вымысла, фиктивного мира, поскольку соответствие повествуемых событий объективной исторической реальности не имеет большого значения. Ключевое значение имеет здесь действительность в её исконном философском субъективном понимании. Это воспринимаемость, осязаемость, миропонимание говорящего, его картина мира. Здесь для интерпретатора важны структура, категория нарратива, лексические, стилистические и интонационные особенности. При попытке верного истолкования автобиографического романа, в котором наблюдаются некоторые нарративные особенности, мы также изначально уде-

ляем внимание архитектонике произведения – соотношение фактического и фиктивного интересует нас лишь в тот момент, когда мы пытаемся уяснить для себя, какие события в процессе припоминания претерпели художественное изменение, какие были замещены и почему. Автобиографический роман в контексте теории Лоренцера можно рассматривать как имитацию герменевтического диалога, требующего интерпретации, а значит, роман такого свойства является попыткой осознать внутриличностные конфликты автора, т.е. вывести их сначала в сферу сознательного, а затем имитировать их выход за пределы рефлексивной личности. Безусловно, такое заявление требует опоры на конкретную коммуникативную теорию текста. Мы в качестве такой теории выбрали коммуникативную модель, представленную Вольфом Шмидом в его труде «Нарратология» [Шмид, 2008], согласно которой нарративная структура романа предполагает наличие адресата, реципиента, следовательно, роман интенционален. В этом интенционале романного автобиографического повествования мы и видим предпосылку рассмотрения его в контексте методики Лоренцера.

Представляется целесообразным заострить внимание на идее выражения в процессе диалога внутренних переживаний не только на лексическом уровне, но и через коммуникативную структуру текста. При этом непосредственно языковое выражение переживаний не является вторичным по отношению к такому действительному выражению. Следует отметить, что именно на лексическом уровне формируются индивидуально-авторская языковая реальность, обретающая необходимую коммуникативную форму, служащую основой для диалога и понимания. Облачение в такую форму собственных переживаний обеспечивает, согласно идеям Лоренцера, снятие внутреннего напряжения. Другими словами, это такая способность и потребность, которая является ключевой особенностью внутреннего нарратива западноевропейского сознания.

Важно отметить, что Лоренцер не считает излагаемые в процессе диалога переживания бессвязными высказываниями, а напротив, усматривает в них определённую систему, архитектурную целостность. Эта целостность, согласно Лоренцеру, имеет следующую структуру: 1) переживание в контексте жизненного опыта; 2) сопутствующие переживанию настроения; 3) их имманентное восприятие и эмпирическое выражение; 4) лексическое выражение данных настроений, формирующих текст повествования.

Все перечисленные элементы объясняют, каким образом текст, выражающий те или иные переживания, зарождается, т.е. показывают путь от причинного смысла к результату, с которым сталкивается интерпретатор на первых стадиях понимания. Из этого следует, что путь верной интерпретации такого текста должен иметь обратный порядок, согласно которому понимающий должен пройти от лексического выражения к настроению, затем к собственно переживанию и, следуя принципу герменевтиче-

ского круга, понимая один эпизод рассказывания за другим, наращивая смыслы, прийти к пониманию целого. Эти элементы в риторике Лоренцера представляется уместным называть сценами, т.е. фрагментами текста, действие в которых имеет пространственно-временное ограничение.

Важное место в концепции Лоренцера занимает и понятие культурного диалекта, согласно которому формирование личности рассматривается в прямой зависимости от тех фактов биографии, которые формируют этот диалект, закладывая культурные коды: семейные, социальные, моральные ценности, национальная и инациональная среда на разных этапах жизни, раса и расовая идентичность, этнические и мифопоэтические традиции, религиозные верования, идеология, политические убеждения, степень знакомства с теми или иными научными знаниями, предпочтения в искусстве, знание истории своей семьи и отношение к ней, знание своего народа, мира. Следовательно, личностная идентичность определяется формами объективного духа в их уникальной совокупности для отдельного индивида. Большинство этих форм отражается на страницах автобиографических романов, что сообщает исследователю способность к пониманию специфики личностной идентичности конкретного автора. Так, например, Рушди говорит о том, что в современном «оболваненном и напуганном мире ремесленникам пера труднее будет заявлять» о своих политических и религиозных взглядах, особенно если они идут вразрез с мнением обременённого властью большинства. Неспособность высказывать свою позицию, свободно мыслить и воплощать эти мысли в искусстве разрушительно влияет на самосознание автора, приводя нарратив романа к распаду. Более того, в определённый момент на почве разрушения многих форм объективации собственного духа автор понимает, что читатель перестаёт воспринимать его как конкретного человека и начинает осознавать его образ как символ, что «странно», то есть чуждо идентичности Рушди, поскольку «он не чувствовал себя символом. Он чувствовал себя... настоящим. Но в тот момент это, вероятно, было наилучшим оружием, каким он располагал. Салман-символ, Салман-икона, сотворенный его сторонниками идеализированный Салман-Свободолюбец, безусловно и непоколебимо отстаивающий высшие ценности, теснил и мог в конце концов победить тот демонический его образ, что нарисовали противники» [Рушди, 2012: 500].

Кроме того, повествователь, раскрывая читателю основу своего нетождества повествуящему персонажу, показывает, как тому пришлось «отказаться от этнической принадлежности», после чего «он превратится в человека-невидимку в маске белого клоуна» [Рушди, 2012: 228]. Поскольку Салман Рушди-писатель поневоле раскрывает в романе некоторые секреты своего мастерства, читатель может наглядно убедиться и в том, как различные виды искусства влияют на формирование художественного тек-

ста. Так, «ради книги» Земля под её ногами «он читал Рильке, слушал Глюка, смотрел мутноватое видео великого бразильского фильма «Черный Орфей» и был счастлив, обнаружив в индуистской мифологии сюжет, обратный мифу об Орфее» [Там же: 673].

Второй параграф «Личностная идентичность и коммуникативная структура автобиографического романа» посвящен рассмотрению личностной идентичности как в ценностно-смысловом плане, так и в социально-ролевом смысле, что инициирует, прежде всего, разговор об имени. Имя всегда было неоспоримо значимо для человека, находилось в основе мира. В древнейших практиках важное место занимала магия имени, где имя воспринималось как сакральная символическая сущность. Эта архаическая сакральность имени осталась в сознании современного человека в качестве культурного кода, ощущения основы, базового принципа мироздания. Так, личностная идентичность начинается с имени и тесно связана с ним, с его значениями и символикой. Имя формирует в сознании человека концепцию Я и отождествляет это Я с ним самим. Имя человека – это то, как его видят другие и то, как он видит и понимает сам себя и других. Рассматривая роман Салмана Рушди «Джозеф Антон», можно увидеть в тексте несколько повествуемых инстанций.

Первая: Рушди, который обозначается личным местоимением он. При очевидном кризисе тождества между повествующим и повествуемым в данном случае идентичность ещё не нарушена полностью. Он, безусловно, другой, но он не понимается повествователем через отдельное индивидуальное имя потому, что имя здесь предположительно одно.

Вторая: Салман. При совпадении имени конкретного автора с именем персонажа, Салман Рушди здесь понимается как другой, имеющий имя. Он – Салман, а я (повествователь) – нет, я – другой, я – не Салман. Здесь уже, очевидно, внутренне нетождество конкретного автора самому себе-повествуемому, т.е. его Я-прошлому.

Третья: псевдоним Джозеф Антон. Несмотря на то, что биографически Джозеф Антон и Салман Рушди – один и тот же человек, в тексте он понимается как совершенно посторонний персонаж. Он не повествователь, потому что о нём говорится в третьем лице, он не Салман – он чужой. Логично предположить, что само фактическое наличие феномена Джозефа Антона в биографии Салмана Рушди и стало причиной разрушения внутренней идентичности, тождества, поэтому в романе предпринимается попытка вытеснить его за пределы личности автора, попытка отчуждения его и связанных с ним событий биографии. Дело в том, что «ему», Салману, «надлежало быть мертвым, но он явно этого не понимал». Понимание пришло много позже несмотря на то, что «некрологи уже были написаны». Салман при этом всё равно «настаивал на своем праве жить, и более того <...> упорно, мучительно, пядь за пядью,

шаг за шагом стремился восстановить свою жизнь». Вне зависимости от попыток Салмана удержать прежние бытийные и эстетические позиции, прежний мир был разрушен и лишён красок, света, прежних звуков. Так пришла необходимость осознать новую реальность, за которую в тексте отвечала новая коммуникативная инстанция – Рушди, который стремился к тождеству с Салманом. Позже, вместе с изоляцией Рушди, появился Джозеф Антон, который также «хотел снова стать Салманом Рушди, и это было, честно говоря, невежливо с его стороны. Его история не должна была стать историей успеха, и в ней, конечно же, не было места радости» [Рушди, 2012: 566].

Теоретическое и текстологическое исследование направлено на утверждение в современном литературоведении осмысления необходимости учитывать возникающие кризисы личности конкретного автора автобиографического художественного произведения и их ключевой роли в формировании не только сюжета и/или фабулы произведения как отдельных элементов его архитектоники, но и всей его коммуникативной структуры в целом. В условиях современной глобализации и постепенной утраты индивидуально культурного своеобразия, стирания границ между различными культурами и их смешения посредством взаимопроникновения - понимание кризиса личностной идентичности отдельного индивида, а именно конкретного автора художественного произведения автобиографического характера, как основы нарративной структуры автобиографического художественного текста и первопричины отклонений данной структуры от нормы, обусловленной жанровым пактом, представляется исключительно важным.

Рассмотрение личностной идентичности как процесса, соответствующего диалектике герменевтического круга и являющегося частью процесса формирования герменевтического горизонта конкретного автора автобиографического художественного произведения означает признание необходимости изменений самосознания автора в соответствии с художественным переосмыслением исторической действительности. При резких изменениях исторической объективной действительности и переизбытке новых герменевтических кодов, входящих в структуру герменевтического круга в художественном произведении, человеческая психика не всегда успевает осуществлять необходимое для гармоничного понимания последовательное перепонимание его фрагментов с учётом новых элементов, среди которых могут оказаться, например, смена места жительства на пространство, коренным образом культурно и социально отличающееся от привычного, смерть или угроза смерти, внезапное резкое изменение социального статуса, среды, роли индивида, революционное изменение исторической действительности, модели общества и доминирующих в нём ориентиров, ценностей, морали. Описанный выше процесс неминуемо ведёт к нарушению целостности нарративной структуры автобиографического художественного текста, выбранного авто-

ром в качестве инструмента восстановления собственной идентичности целостности. Выбор этот спровоцирован защитными механизмами психики конкретного автора автобиографического художественного произведения, обеспечивающими целостность его личности на протяжении всей жизни и, как следствие, целостности его художественного текста.

В третьем параграфе «Возрастные особенности личности. Аксиологическая составляющая» доказывается, что автобиографический текст есть самая искренняя и тщательная рефлексия, открывающая множество путей, среди которых важное значение имеет последовательная археология собственного сознания. Исходя из нее, делается вывод: автобиография рождается в тот момент, когда такой пересмотр необходим, то есть в момент экзистенциального кризиса, который нужно преодолеть, поняв и изучив причины его возникновения. Несмотря на то, что подобный осознанный подход к собственной жизни и истории возможен исключительно в зрелом возрасте, литературовед не может ограничиваться психологией узкой возрастной категории, иначе путь к пониманию описанных детских воспоминаний будет закрыт для него как для герменевта. Выводы относительно таких воспоминаний должны строиться двоячно и представлять собой органичное логическое сочетание анализа рассматриваемой сцены/эпизодов с точки зрения возраста персонажа – из перспективы повзрослевшего автора, припоминающего и оценивающего психологический процесс уже из взрослого мира, с позиции сформировавшейся личности, воспринимающей события прошлого, и одновременно с точки зрения возрастных особенностей автора, отягощающих, реорганизующих и трансформирующих повествование о детских и юношеских годах. При рассмотрении детских воспоминаний психологические переживания детского возраста определяются характерным для него феноменом кризиса социализации. Это важно учитывать, во-первых, в меру присущей детским переживаниям остроты, во-вторых, поскольку это внешние кризисы, проявление которых формирует личность. Реализация этих двух стадий развития автобиографической личности осуществляется на событийном уровне. В параграфе представлен анализ изучаемых романов с данной позиции.

В четвёртом параграфе «Защитные механизмы психики и их влияние на структуру романного повествования автобиографического характера» излагаются принципы, согласно которым через защитные механизмы психики романное повествование автобиографического характера преобразует травмирующие воспоминания в позитивные. Среди важных для данного исследования механизмов выделяются следующие: вытеснение, сублимация, отрицание, проекция, идентификация, интроекцию; рационализация, аннулирование действия, расщепление.

Каждый из данных механизмов определённым образом влияет на коммуникативную структуру автобиографического романа и становится неотъемлемой частью как процесса создания произведения, так и его художественного мира. Этот процесс щедро проиллюстрирован элементами анализа исследуемых произведений. В рамках исследования художественного автобиографического текста представляет интерес концепция анализа в художественном произведении категории образа автора, изложенная М. М. Бахтиным: «Эта борьба с возможной ценностной позицией другого своеобразным образом ставит проблему внешней формы в самоотчете-исповеди; здесь неизбежен конфликт с формой и с самим языком выражения, которые, с одной стороны, необходимы, а с другой — принципиально неадекватны в ценностном сознании другого...» [Бахтин, 1979]. Так, любой автобиографический текст представляет собой арену борьбы речевого субъекта с самим собой повествуемым, связанную с ощущением его присутствия в собственном сознании как «другого». Это ощущение раздваивает его писательскую личность и даёт нам искомый и понятный результат: объективную разницу между повествуемым и повествующим началом, о тождестве между которыми не может идти и речи. В отдельных ситуациях человеческое сознание, пользуясь ресурсами воображения, искажает историческую действительность в собственной памяти вплоть до смены оценки на полную противоположность. Все перечисленные нами в данном исследовании интертекстуальные процессы вполне естественны и происходят благодаря предусмотренным природой защитным механизмам, призванным обеспечить сохранность нервной системы организма и являющимися производной функцией от инстинкта самосохранения.

Мультикультурный исторический дискурс представляет собой основу понимания кризиса идентичности целых пластов населения различных стран, соответственно, и мультикультурная литературная парадигма создает красочную и многогранную, всестороннюю гетерогенную репрезентацию симптоматики этого кризиса. Авторы, переживающие подобный кризис, стремятся к моделированию и конституированию собственного «Я», его последующей интерпретации, противопоставляя его «Другому» в рамках описанной нами ранее экзистенциальной коллизии. Их произведения служат порой своеобразными манифестами противостояния стереотипов сознания [Elster, 1972] и объективной истины. Ключевой особенностью такого культурного пространства является дуальная оппозиция «свой» – «чужой». Французский философ Эммануэль Левинас, рассматривал индивидуальное «я» личности в качестве основы ее идентичности [Levinas, 1991], а Рей Бромли, выделял на основе этой оппозиции дихотомию «внутри» – «снаружи». Границы этих понятий постепенно размываются в мультикультурном контексте, порождая так называемое «третье пространство», координирующееся с альтернативной концепцией идентичности, на базе которой можно

переосмыслить сложившиеся этнокультурный и социальный стереотипы применительно к феномену иммиграции [Bromley, 2000]. Это становится одним из важнейших вопросов мультикультурной литературы Великобритании, чьи корни уходят в постколониальный дискурс. Одной из его магистральных проблем становится кастовое разделение общества, в рамках которого его социальные, культурные, религиозные установки обуславливаются интенциями иерархически превосходящей прослойки общества. По этой причине обостряются идеи аутентичности и гибридности, являющиеся ключевыми аспектами раскола личностной идентичности рассматриваемого феномена. Результатом размышлений об этом Роберта Янга можно назвать развивающуюся в рамках диалога культурных традиций толерантность особого вида, обеспечивающую возможность продуктивного культурного обмена различных народов. В работах зарубежных литературоведов [Trombold, 1999; Barlow, 2016; Cyrus, 2014; Hinz, 1996; Laukhuff, 1990; Triandafyllidou, 2017; Rieker, 2012; Hindriks, 2014; Dovidio, 2010; Howarth, 2016; Hahn, 2010] можно отметить центральное место проблемы взаимоотношения личности с собственной «инаковостью». Применительно к роману Рушди выделяется спровоцированное данным феноменом болезненное отсутствие тождественности автора самому себе. Попытку восстановить такое тождество нельзя сводить ни к бегству в прошлое, как у романтиков, ни к простой созидательной рефлексии. Речь идёт об определённом синтезе человеческой памяти и повествовательного акта, опосредованном историко-культурным дискурсом.

Современная мультикультурная проза доказывает, что личностная идентичность – комплексное многогранное явление. Переоценка прошлого не может считаться единственной его основой. «Идентичность», согласно мысли Гренвилла Стэнли Холла, не является свершившимся фактом, находясь в постоянном движении, становлении и поиске, конструируясь внутри изображаемого процесса [Hall, 1991]. Безусловно, идентичность не является и качеством, приобретённым априорно, в готовом виде. Мнение Холла даёт возможность идентифицировать типичные сюжеты и традиции, опираясь на анализ этнокультурных связей, и возводит идентичность в рамках мультикультурного дискурса в ранг позиционной относительности в противовес прежнему пониманию её как некой оригинальной сущности. Генри Луис Гейтс считает важнейшим фактором взаимодействия личности индивида с окружающим миром: полилог социального, культурного, исторического, этнического дискурсов, представляющий на современном этапе развития мультикультурного пространства исток некоего единого целого [Gates, 1993]. Эти концепции нашли своеобразное преломление в анализе коллизии романа С. Рушди «Джозеф Антон».

В заключении сформулированы выводы из результатов исследования и намечены возможности дальнейших исследований, для которых перспективной может стать

разработка теории психоаналитической герменевтики как литературоведческого метода, а также изучение интертекстуальных особенностей современной неоавтобиографической прозы.

Основное содержание диссертации отражено в восьми публикациях автора общим объемом 3,5 п. л.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

1. Гашкова В.А. Повествовательные стратегии автобиографических романов от третьего лица (на материале "Джозефа Антона" С. Рушди и "Воспитания Генри Адамса" Г. Адамса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. № 7. С. 76–79 (0,4 п. л.).

2. Гашкова В.А. Методологический потенциал герменевтических "шагов" Ф. Шлейермахера (на примере анализа концептов света и тьмы в романе С. Рушди "Джозеф Антон" и времён года в романе Генри Адамса "Воспитание Генри Адамса") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2020. № 2. С. 67–73 (0,7 п. л.).

3. Гашкова В.А. Герменевтический метод Шлейермахера в контексте изучения автобиографической прозы // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1. С.328–332. (0,4 п. л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

4. Fill V.A. Gadamer's hermeneutical method in the context of a study of autobiographical prose / V.A.Fill // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 4. P.4. (0,1 п.л.).

5. Филь В.А. Документальное начало и вымысел в автобиографическом романе // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 4. С. 35–37. (0,4 п.л.).

6. Филь В.А. Эстетика и герменевтика // Инновации в формировании стратегического вектора развития фундаментальных и прикладных научных исследований: сб. науч. ст. по итогам Международной научно-практ. конф. 20-21 ноября 2015 года. СПб.: КультИнформПресс, 2015. С. 126–133. (0,9 п.л.).

7. Филь В.А. Герменевтический метод Альфреда Лоренцера в контексте изучения автобиографического романа // Международный научно-исследовательский журнал. - 2016. № 4. С. 82–84. (0,3п.л.).

8. Гашкова В.А. Роман новейшего времени как «не жанр» или романная «не форма» новейшего времени // Universum: филология и искусствоведение: научный журнал. - № 12(34). М.: МЦНО, 2016. С. 27–30. (0,3 п.л.).

Гашкова Виктория Александровна

Герменевтический анализ автобиографической прозы (на материале романов
С. Рушди «Джозеф Антон», Р. Барта «Ролан Барт о Ролане Барте», Г. Адамса
«Воспитание Генри Адамса»)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 12.10.2020 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 1/16.

Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5

Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 90 экз. Заказ ____

Отпечатано в типографии

Издательства Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6.